

ОБРАЗ КНИГИ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Сегодня проблема чтения поставлена в один ряд с приоритетными задачами сохранения и развития национальной культуры, поскольку без чтения нет ни полноценного культурного обмена, ни развития интеллектуального потенциала нации и отдельной личности. Обдумывая различные факторы, более всего влияющие на воспитание личности (по степени их важности), К. Леонтьев писал: «Семья сильнее школы; литература гораздо сильнее и школы, и семьи», ибо школа «не может так всевластно подчинить ум и волю юноши, как посторонний и удаленный от него во всем величии своей славы писатель. От семьи и школы даже и довольный ими юноша рад все-таки в известное время эмансипироваться; от литературы ему нечего освобождаться – он сам ее ищет, сам избирает, сам с любовью подчиняется ей» [1, с. 192].

Человек читающий имеет совершенно особый менталитет, он способен полнее раскрыть свой творческий потенциал и глубже осознать «веков связующую нить». Отношение к книге является одним из показателей способности человека к глубокой аналитической работе и философской рефлексии, а развитые навыки чтения служат важнейшим условием выживания и успешной ориентации в информационном пространстве. Однако проблема воспитания читателя сегодня стоит как никогда остро. Думается, одним из действенных способов ее решения является создание положительного имиджа человека читающего, окружение книги ореолом привлекательности и стимулирование рефлексии по поводу чтения. Среди множества возможных вариантов конкретного решения проблемы остановимся на характеристике таких средств, как: 1) обобщение и тиражирование интересного опыта выбора книг, 2) конструирование обобщенного образа книги, созданного художниками слова.

Рассмотрим конкретный опыт привлечения внимания широкой общественности к мнению уважаемых людей, любящих и умеющих читать. В этом отношении интересна серия публикаций в «Брянской учительской газете», объединенных под рубрикой «Книжные диалоги». Ее ведущая А.О. Вороничева предложила представителям разных сфер деятельности (преподавателям высшей школы, писателям, библиотекарям, сотрудникам ОВД и др.) поразмышлять о том, какую роль играет книга в жизни, профессии, воспитании и судьбе, что руководит нашим чтением; как, не тратя времени на малозначащую и ненужную литературу, найти свою книгу, способную дать пищу и сердцу и уму.

Становление личности жестко детерминировано детским чтением. Эту непреложную зависимость установили и ученые, и педагоги, и писатели. Так, у В. Высоцкого читаем: «Если путь прорубая отцовским мечом, / Ты соленые слезы на ус намотал, / Если в жарком бою испытал, что почем, / Значит, нужные книги ты в детстве читал». Но какая она – *нужная книга*? Попытаемся определить понятие *хорошая книга*, используя прозвучавшие высказывания. *Хорошая книга* – это та, которая «заставляет мое внимание останавливаться на каждом

абзаце» (И.А. Биккулова), в которой «есть музыка; причём эта музыка есть не только в стихах, но и в прозе – лёгкая и захватывающая, как у Ремарка, или же тяжёлая, как в книгах по истории и археологии» (В.Г. Лаптев), в которой «есть глубина мысли, духовность и нет фальши» (К.Ю. Волконский).

К *хорошим книгам*, по единодушному признанию всех респондентов, относятся произведения русской классики – «вечные книги, в которых отражается сама жизнь» (В.Г. Лаптев). Т.А. Лиознова называет их «достоянием нации»: «Россия всему миру известна как родина блестящих классических произведений. Классика – это правильная речь, ясный и точный строй мыслей. Никто и ничто не научит нас так мыслить и чувствовать, как классика». А.А. Шувалов отмечает универсальность классической литературы: «люди с совершенно разными взглядами на жизнь всегда находят в ней что-то своё».

Среди рекомендованных современным подросткам книг, были названы следующие: *«Преступление и наказание»*, *«Записки из Мёртвого дома»* Ф.М. Достоевского, *«Отцы и дети»* Тургенева, *«Остров Сахалин»* А.П. Чехова, *«Алые паруса»* Грина, *«Два капитана»* Каверина, *«Три мушкетера»* А. Дюма; произведения Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, М. Булгакова, М. Зощенко, А.Н. Толстого, М. Шолохова, И. Эренбурга, Стругацких, Ч. Айтматова, И. Стаднюка, В. Аксёнова, С. Довлатова, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, Э.-М. Ремарка, О. Генри, Стивенсона, Д. Лондона, а также брянских авторов, например, В.С. Козырева, А.В. Малахова, И.А. Швеца, А.Г. Мехедова.

Перечислим некоторых их тех «вечных» книг, которые сопровождают наших уважаемых респондентов по жизни: *«Раковый корпус»* Солженицына, *«Белые одежды»* Дудинцева (И.А. Биккулова); *«Мастер и Маргарита»* М.А. Булгакова и *«Тихий Дон»* М.А. Шолохова (А.А. Шувалов); *исландские саги*, произведения С. Лема, С.М. Соловьёва, Н.М. Карамзина, Л.Н. Гумилёва (В.Е. Сорочкин); *К. Паустовского*, А.П. Чехова, К. Аксакова, И. Стаднюка, П. Проскурина, М. Шолохова, поэзия – А.С. Пушкина, С. Есенина, Р. Гамзатова, Л. Рубальской, брянского лирика Николая Поснова (К.Ю. Волконский); Лермонтова, Есенина, Ахматовой, Тютчева, Фета (В.Г. Лаптев).

Стоит отметить текущее чтение собеседников: *«Корней Чуковский»* И. Лукьяновой (И.А. Биккулова); *«Сто лет одиночества»* Г.Г. Маркеса, рассказы Е. Гришковца, *рукописи брянских авторов* (В.Е. Сорочкин); *«Час Быка»* И. Ефремова (В.Г. Лаптев); рассказы А.П. Чехова (К.Ю. Волконский); и планы на ближайшее будущее: *«Борис Пастернак»* Дм. Быкова, *«Дягилев и с Дягилевым»* Сергея Лифаря (И.А. Биккулова), стихи Евтушенко (В.Г. Лаптев); *«Архипелаг Гулаг»* А. Солженицына и *«Сучья война»* В. Шаламова (А.А. Шувалов).

Собеседники А. Вороничевой убеждены, что чтение – это наиболее эффективный способ самообразования: «Образованный человек – начитанный. Жить в нашей стране, где русская литература – главное богатство, при этом не читать – смешно. Нефть и газ закончатся, а русская литература будет всегда. Поэтому стыдно не знать “Тихий Дон” и “Войну и мир”, “Доктора Живаго” и

стихи Блока, романы Стругацких и «Мастера и Маргариту»» (И.А. Биккулова); «Считаю, что каждый образованный человек должен читать поэзию, хорошую поэзию. Стихи нельзя прочесть один раз: чтобы понять, их нужно постоянно перечитывать... Произведения современных авторов помогают понять динамику нашей постоянно меняющейся жизни» (В.Г. Лаптев).

В интервью были высказаны интересные, окрашенные глубоким эмоциональным чувством, представления о чтении. Приведем некоторые из них.

Чтение для меня – с детства – главное увлечение, часто то, что облегчает жизнь. Не боюсь сказать: мне после хорошей книги жить хочется, работать со студентами, писать и даже быть лучше. Человек, который читает, – для меня оценочная категория. Часто – главная. Своего человека – в этом смысле – я чувствую, только мало их рядом... Если не будете смеяться, то скажу: читать – значит жить! (И.А. Биккулова).

Читать для меня – всё равно, что сходить к хорошему другу: бывает, что мне неохота к нему идти, бывает, что иду с тоски, бывает – с удовольствием. А что касается технических книг, с которыми мне приходится иметь дело в связи с моей профессией, то их не читают, с ними работают (В.Г. Лаптев).

Чтение – это работа души и ума... единственный способ поддержать и развить свой интеллект (В.Е. Сорочкин).

Читать – значит ежедневно, ежечасно обогащать себя, приобщаясь к мировой культуре, которую на протяжении долгих лет накапливало человечество. Читать – значит вдумываться, пытаться понять, что хотел сказать автор. А когда ваши с автором взгляды совпадают, испытываешь подлинное удовольствие от того, что нашел гениального единомышленника (К.Ю. Волконский).

Позитивные оценки чтения «работают» на повышения его имиджа, утверждение в сознании молодого современника привлекательного образа человека читающего. Это первый шаг на пути восприятия чтения как увлекательного диалога с талантливым или гениальным собеседником, знакомства с его уникальной системой ценностей и сугубо индивидуальным языком. Пока мы читаем, мы живем в едином культурном пространстве, говорим на едином языке и выстраиваем диалог на основе общих духовных ценностей человечества. *Вечные образы* делают возможным понимание между людьми разных стран и народов. Так, нам становится ближе и понятнее герой современной японской литературы, который за час с небольшим до конца света думает о глубоком небе, бескрайнем море и Достоевском: «Я попробовал вспомнить имена всех братьев Карамазовых. Митя, Иван, Алеша – и еще этот сводный, Смердяков. Интересно, сколько людей на свете помнят братьев Карамазовых по именам?» [4, с. 525]. Столь яркой деталью в характеристике персонажа Мураками подчеркивает значимость нравственных идеалов, воплощенных в лучших произведениях мировой литературы. Можно лишь повторить вслед за героем: их «стоит перечитывать иногда».

Литературные образы и сюжеты, да и сама книга как символ духовно-интеллектуальной деятельности, часто становятся предметом художественной рефлексии писателей и насыщают их произведения глубинным смыслом, создают единое фоновое пространство – важнейшее условие успешного диалога культур. Писатели нашего края также демонстрируют стабильный интерес к книге и чтению, образы которых довольно устойчивы в брянском тексте литературы. В их произведениях книга выступает в качестве средства очищения души пробуждения мысли. В ней – «рецепты по утолению духовной жажды» (И. Непомнящий «Учитель словесности – это читатель книг...»).

С непреходящими духовными ценностями и тишиной книга ассоциируется в поэтическом мире Николая Поснова. Она выступает в качестве значимого элемента внутреннего, интимного, пространства героя, жестко противопоставленного внешнему, воплощенному в метель и непогоду. «Ветровое пенье» – жалобное гудение продутых ветрами лесов контрастирует с душевным покоем и умиротворенностью лирического героя, погруженного в воспоминания и размышления и принимающего мир во всех его проявлениях. Для поэта «редчайшее благо» – читать «старинную книгу у жаркой беленькой печки» в тишине морозной ночи, «где ветры, как серые волки, // Поют за морозным окном».

В поэзии Александра Брона книга является символом гармоничного, наполненного глубоким содержанием мира «покоя и тепла». Ему полярно противопоставлен бессмысленный хаос «тьмы кромешной», полной «жуткой нечисти»: «Там — налево ли, направо ли — / Леса чёрные зубцы», «топкий берег, / Где змеиная трава». «Ворон хрипло и заученно / Оглашает приговор». По сути, эти миры соответствуют оппозиции добра и зла, детерминированного *наличием* – *отсутствием* книги как основного источника смысла. Книга ассоциируется со светом, структурирующим пространство и раздвигающим мрак бездуховности; без нее «Пропадём! Куда вы, дьяволы, / Вороные жеребцы!» (А. Брон «Страшный сон»). На оппозиции *профанный* – *сакральный* построено стихотворение Владимира Потапова «Так бывает — быт заест»: книгам противопоставлены быт, «разные делишки», телевизор, вовлекающие человека в водоворот мелких событий: «Глянешь: вот и жизнь прошла. / И обидно это».

Книга – неперемный атрибут счастливого детства одиннадцатилетнего лирического героя Игоря Непомнящего: «роман о “Графе Менте-Кристо” и в соседней комнате «Разговор вполголоса о школе, / Чехове, крыжовенном варенье...» (Непомнящий «Осень. Под верблюжьим одеялом...»). А для учителя словесности чтение – это путь в Мекку: «Он томик раскроет – словно ведет во храм...» (Непомнящий «Учитель словесности – это читатель книг...»). На качество чтения – «Привычку все оттенки слога, / Оттенки смысла различать» – обращает внимание и Александр Брон: «Я как-то медленно читаю – / Вникать в прочитанное тщусь, / То запятые расплетаю, / То к прежней фразе возвращусь» (А. Брон «Чёт и нечет»).

Довольно устойчива традиция осознания мира как мудрой книги бытия. Так, любое явление может быть не только олицетворено, но и одухотворено

благодаря наделению способностью читать страницы жизни: «Листая листья за окном, / Как жёлтые страницы. / Вдруг осень с молодым вином / На лавочку садится» (В. Потапов «Листая листья за окном»). Кроме того, предельно земной и осязаемый мир часто воспринимается и воссоздается через «книжные» образы: зимний «День, как перебеленная повесть, / Станет в тесный ряд любимых книг. / Втиснется меж томом Пастернака / И романом старшего Дюма» (И. Непомнящий). В поэтическом воображении поэта все пережитое, воплощенное или не воплощенное в слове, пополняет духовный опыт человечества, вместилищем которого выступает книга. Не только образы города переплавляются в книжные тома, но и все его пространство насыщается литературными аллюзиями и реминисценциями: «Ярко розов снег в лучах восхода / И громopodobна тишина, / Будто бы державинская ода / У зимы в крови растворена; «Матовость элегий Соколова / В синем зимнем воздухе сквозит» (И. Непомнящий «После снегопада»).

Как любимый роман «читает» лес лирический герой Александра Брона: «И снова затеваю поиск, / Опять кружу среди полян, / Где в каждой травке скрыта повесть, / И в каждом дереве – роман» (А. Брон «От всех печалей»). Для человека, наделенного художественным воображением, лес ассоциируется не только с дарами материальными – он полон идей и сюжетов.

В конкретные «книжные» образы воплощается даже абстрактное понятие памяти: «...а память как бы самиздат: / И знать не знает о цензуре...» (И. Непомнящий «Начерно»). Сравнение с книгой абстрактного образа памяти придает последнему зримые черты и подчеркивает значимость и поэтичность воспоминаний, составляющих отдельные страницы жизненной повести героев стихотворения «Двое»: «Но память долгую листая, // Они стояли у окна» (Н. Поснов).

Символичен случай наличия у художественного образа книги реального прототипа, что уже само по себе одухотворяет этот объект литературного осмысления. Так, пробитый пулей томик А.С. Пушкина, вернувшийся с войны вместе с Валентином Динабургским и хранящийся в запасниках Брянского краеведческого музея, является героем рассказа «Пуля Дантеса». В нем утверждается высокая миссия книги, которая не только сохраняет духовное здоровье бойцов, но и защищает их от физической гибели.

Брянскими поэтами отмечена рекреационная роль чтения. Книга дает отдых уставшему человеку, отвлекает от тяжелых мыслей и мелких забот. Однако в этом случае она рассматривается как часть обыденности, элемент бытового хронотопа и выполняет исключительно развлекательную функцию (речь идет не о произведениях Достоевского или Пастернака, а о любовных романах и детективах). Такое чтение не поэтизируется авторами, а наоборот, принижается, например, путем использования стилистически сниженного слова *чтиво*. Блуждания «в лабиринтах детектива» осознаются вне духовной рефлексии лирического героя и сопутствуют пробуждению от счастливого сна: «Но как бездарны

пробуждения – / Сознания прерванные звенья» (В. Володин «Ты снишься мне.. Благодарю»).

Итак, создание атмосферы чтения – важнейшее условие и надежное средство приобщения к нему. В этом отношении нуждается в расширении и интенсификации коммуникативное пространство, смыслообразующим элементом которого является книга. Средствами насыщения содержанием этого пространства могут стать распространение опыта квалифицированных читателей и постижение смысла художественных образов чтения, созданных мастерами слова. Эти образы отличаются содержательной глубиной, представляют собой результат размышлений авторов о феномене чтения и его роли в жизни общества и отдельного человека. Они являются богатейшим духовным ресурсом и могут стать эффективным средством воспитания квалифицированного читателя.

Библиография

1. Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарогъ, Московский рабочий, 1993. 400 с.
2. Литературный Брянск: альманах Брянской областной общественной писательской организации Союза писателей России. 2007. № 1. 247 с.
3. Литературный Брянск: альманах Брянской областной общественной писательской организации Союза писателей России. 2009. № 1 (7). 216 с.
4. Мураками Х. Страна чудес без тормозов и Конец Света: роман / пер. с яп. Д. Коваленина. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
5. Непомнящий И.Б. Час снегопада. Брянск, 2013. 67 с.
6. Поснов Н.И. Прости-прощай: избранное. Брянск: Брянское областное полиграфическое объединение, 2005. 480 с.